

Валерия Чернованова

ИЗБРАННИЦА СТРАЖА МГЛЫ
ИЗБРАННИЦА СТРАЖА МГЛЫ. ЦВЕТОК ИЗ ПЛАМЕНИ
ПОХИЩЕННАЯ, ИЛИ КРАСАВИЦА ДЛЯ ЧУДОВИЩА
ВО ВЛАСТИ ПЛАМЕНИ

В соавторстве с Мариной Эльденберт

МЕЖМИРОВАЯ няня, ИЛИ АЛМАЗНЫЙ КОРОЛЬ И Я
МЕЖМИРОВАЯ няня, ИЛИ ЛЮБОВЬ ЗЛА, ПОЛЮБИШЬ И КОРОЛЯ

РОМАНТИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Валерия Чернованова

Во власти пламени

Фэнтези • Любовный роман • Приключения

Роман

 Москва, 2020
САРМАДА
&
«Издательство АЛЬФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Ч49

Серия основана в 2011 году
Выпуск 508

Художник
Е. Никольская

Чернованова В. М.

Ч49 Во власти пламени: Роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2020. — 345 с.: ил. — (Романтическая фантастика).

ISBN 978-5-9922-3021-5

Что может быть хуже, чем выйти замуж за кровного врага? Лишь участь из законной жены превратиться в его рабыню. Именно такое будущее уготовил мне Аман Каррай — незнакомец, с которым меня свела судьба.

Но кто он на самом деле? Жестокий дракон, поклявшийся отомстить моей семье за ошибку прошлого, или заложник долга? Тот, кого я буду всем сердцем ненавидеть, или же тот, кому отдам свое сердце...

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-3021-5

© Чернованова В. М., 2020
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2020

ГЛАВА 1

— Готова поспорить на свои рубиновые подвески, что эррол Тейран победит и в сегодняшних состязаниях. И, как и в прошлом году, его назовут королем турнира. Ах, Шахир, он такой... — восторженно выдохнула Лаали.

Я закатила глаза. Начинается...

— Храбрый, сильный, и вообще! — продолжала петь дифирамбы своему кумиру девушка, а я тем временем боролась с желанием спихнуть Лаали с ковра на пальму, мимо которой мы сейчас пролетали.

Или, может, лучше сбросить ее в фонтан на Цветочной площади? Прохладная вода однозначно пойдет ей на пользу.

— Интересно, а какие на нем сегодня будут доспехи?

Я зажмурилась. В следующий раз пойдем пешком, а летающим ковром, как кляпом, я заткну Лаали рот. Потому что слышать по сто раз на дню это имя просто невыносимо. Шахир, Шахир, Шахир! В последнее время моя подруга будто помешалась на нем. Такое ощущение, что ее заклинило: Шахир то, Шахир се. Можно подумать, самый лучший, самый красивый и неповторимый дракон на все село. Рассветное королевство то есть.

Лично я старалась сторониться старшего сына первого советника его светлейшества. Ладно, я в принципе всех драконов сторонилась, будь то Огненные или Ледяные. Кроме одного... Но сейчас не об этом!

— Лаали, милая, — я глубоко вдохнула, затем выдохнула, стараясь успокоиться, — мне кажется, не стоит так заикливаться на одном тальдене.

— Я приму участие в отборе и выйду за него замуж! — перебила меня девушка и с фанатичным блеском в глазах заявила: — Никаких других тальденов мне не надо!

Тяжелый случай.

Может, мне лучше самой с ковра свалиться? И пусть Лаали летит на свой турнир в гордом одиночестве. Мне там вообще делать нечего. Но родители настояли, чтобы я не пропустила ни одного праздничного дня. Приманивала женихов, так сказать. Потому что быть незамужней алианой в девятнадцать лет — это конец. Света, жизни, родительских надежд.

Покружив над ристалищем, ковер мягко опустился в густую траву с яркими вкраплениями полевых цветов. Лаали грациозно поднялась, счастливо жмурясь на солнце и улыбаясь. Внимательно оглядела разноцветные шатры, раскинувшиеся за полем, и приступила к изучению трех ярусов трибун, затянутых яркими полотнищами. Наверняка выискивала взглядом своего драгоценного дракона.

Поправив полупрозрачную вуаль на лице (алианам в Рассветном королевстве запрещается показываться на людях с непокрытой головой и открытым лицом), подруга задумчиво пробормотала:

— Осталось узнать, кто станет королевой турнира.

Давняя традиция — победитель в состязаниях выбирал даму сердца, даря ей что-то из своих доспехов, перчатку там или бывало даже шлем (конечно же именно о таком пропахшем потом и лошадьё подарке мечтает каждая девушка), после чего имел право танцевать с ней на вечернем пиршестве все танцы и даже ненадолго остаться с ней наедине.

Я с сожалением посмотрела на Лаали и, взяв ее за руку, крепко сжала тонкие пальчики. Она у меня замечательная. Наивная немного, правда. Ведь знает же, кто станет королевой турнира — эта змеючка Амарелия, по которой Шахир, говорят, уже который месяц сохнет. И тем не менее Лаали продолжала себя обманывать.

— Кто бы ею ни стал, ты у нас первая во всем Жемчужном городе красавица, — ласково улыбнулась я подруге.

И это была чистейшая правда. К своим семнадцати годам Лаали превратилась в очаровательную девушку. Невысокая, хрупкая, с тонкими нежными чертами и миндалевидными серо-голубыми глазами. А уж ее густым темным волосам, сейчас заплетенным в толстую косу, завидовали все без исключения алианы и простые девушки.

Кроме меня, наверное. Я вполне довольна своими волосами, которые мама в детстве, когда расчесывала, с любовью и восхищением называла золотым шелком.

Стоило мне ступить в траву, как коврик послушно свернулся тугим рулоном. Подскочил мальчишка в красных шароварах и жилете на голое тело (жара стояла невероятная). Я дала ему монетку и попросила позаботиться о моем любимом коврике. Мальчик низко поклонился и помчался к шатру — хранилищу волшебных половиков.

А мы с Лаали, влившись в пеструю толпу, не спеша двинулись к трибунам. Сегодня было особенно многолюдно: финальный день состязаний обещал быть богатым на впечатления. Простые горожане занимали места еще на рассвете. Знать, как обычно, не слишком спешила. И мы тоже, признаться, опаздывали. А все Лаали! Она никак не могла выбрать между платьем бледно-розовым и ярко-зеленым. Решив, что изумрудный цвет больше подходит зеленоглазой мне, чем ей, девушка остановилась на розовом варианте, а потом еще добрых полчаса крутилась перед зеркалом, любуясь собой, пока я не затащила ее на подоконник, а с него на ковер.

Мы поднялись на трибуны одними из последних, но волноваться было не о чем: никто и никогда не осмелился бы занять места, отведенные для дочери герцога Анвэри, моего отца.

— Риан, смотри! — радостно воскликнула Лаали, когда герольд начал называть имена победителей прошлых состязаний, и те по очереди стали выезжать на поле под рукоплескания зрителей.

Кто бы сомневался, что Шахир возглавит процессию победителей.

Скользнув по ристалищу равнодушным взглядом, я сосредоточилась на своих руках. Лучше полюбуюсь ногтями и серебряным колечком, мягко поблескивавшим на безымянном пальце. Это украшение три года назад, в день моего шестнадцатилетия, мне подарил Мориэн — старший сын владыки соседствующей с Рассветным королевством Сумеречной империи.

Ледяной дракон и... мой друг.

— Риан! — Лаали легонько пихнула меня локтем в бок.

— Ну что такое? — Я насилу оторвала взгляд от серебряной безделушки, с которой никогда не расставалась.

— Как думаешь, кто он?

По трибунам волной прокатился шепот.

— Понятия не имею... — Я подалась вперед, пытаясь получше рассмотреть рыцаря в черненых латах на вороном красавце-жеребце.

Последний особенно привлек мое внимание. Однозначно больше, чем наездник, появление которого вызвало живейший интерес у зрителей. Особенно то, как он нарочито медленно подъехал к центральной трибуне, в тени которой от палящего солнца прятались правитель со своей ари, советник и добрая дюжина охранников.

Мельком взглянув на подскочивших к нему стражников, рыцарь во всеуслышание объявил:

— Я желаю принять участие в турнире!

Шепот усилился, стремительно перерастая в возбужденный гул.

— Вот что за привычка прятать лицо за забралом, — проворчала Лаали, старательно вытягивая шею и пытаясь изучить тальдена, уверенно восседавшего на коне. Животное нетерпеливо потряхивало смоляной гривой и било по земле копытами, как будто рвалось в бой. — Турнир ведь еще даже не начался.

Герольд подскочил к правителю, чтобы обсудить неожиданное заявление, и на какое-то время над ристалищем, словно знойное марево, повисло молчание. Прошла минута или, может, две: моя подруга ерзала от нетерпения, а потом возбужденно вскинулась, когда герольд приблизился к краю трибуны, чтобы громко проговорить:

— По традиции принимать участие в боях последнего дня имеют право только те, кто победил в предыдущих. Вы же...

— Я готов сразиться с каждым из победителей. Или со всеми вместе, — заявил незнакомец. В его голосе явственно слышались самодовольные нотки.

Как будто здесь мало было Шахира.

Герольд метнулся обратно к его светлейшеству, и снова трибуны, будто по волшебству, окутало тишиной.

— Что ж, если так уверены в своих силах, сражайтесь! — наконец объявил он волю правителя.

Рыцарь склонил голову перед его светлейшеством в знак благодарности и бесстрашно проговорил:

— Я уверен. А скоро в этом убедятся и все остальные.

Я негромко фыркнула.

Нет, какой же все-таки самоуверенный тип.

Шахир от наглости незнакомца (не привык, что кто-то может быть наглее его) даже шлем с головы стащил и, раздраженно сплюнув себе под ноги, вскинул взгляд. Словно призывал отца вмешаться и упрятать этого выскочку куда подальше. В катакомбы Асмийской крепости, например, где драконов, совершивших страшное злодеяние, держали до самой казни — встречи с долггатами.

— Ах! — раздался справа от меня благоговейный вздох.

Это Лаали опять пожирала своего черноглазого дракона взглядом. А мне Шахира, если честно, лишний раз не хотелось даже видеть. Поговаривали, скоро первый советник объявит об отборе невест для старшего сына. Лаали этого дня ждала, как пришествия Ясноликой, и мечтала оказаться среди счастливиц. А у меня волосы на голове вставали дыбом только при мысли стать одной из избранниц Тейрана.

На протяжении долгих недель быть привязанной к нему любовными чарами — упаси меня тагры от такой напасти!

— Да будет так, — изрек герольд, словно откликаясь на мои мысли.

Фанфары возвестили о начале турнира.

Чтобы растянуть удовольствие и не покалечить новенького в первые же минуты боя, тальдены решили сражаться с ним по очереди.

И это было ошибкой.

Никогда не видела столько ярости и силы в одном мужчине. Зверь в обличье человека, по-другому не скажешь. Мой отец — один из лучших воинов Рассветного королевства, и я любила наблюдать за его тренировками, радовалась и гордилась им, когда он укладывал на лопатки очередного противника. Сейчас же мне было по-настоящему страшно, словно это я там сражалась. При каждой новой атаке незнакомца сердце замирало в груди вместе с дыханием.

Огненные и Ледяные один за другим бесславно покидали поле боя. Некоторых уносили. Оставалось надеяться, что все-таки живыми.

— Как думаешь, какая у него сила? — спросила Лаали. Пальцы девушки дрожали. Она нервно теребила кончик вуали, рискуя одним неосторожным движением сорвать ее с лица, ведь следующим и последним противником загадочного рыцаря должен был стать ее обожаемый Шахир.

Амарелия, с видом королевы восседавшая на трибуне напротив, тоже нервничала. Не переставая шепталась со своей свитой — подругами и ерзала на месте, имея все основания опасаться, что Шахир Тейран так и не выйдет победителем из сегодняшнего состязания. И тогда не видать ей «короны», и не ее будут чествовать на сегодняшнем торжестве.

Пусть так. Тогда Лаали не будет весь вечер страдать.

— Риан... — Подруга коснулась моего локтя.

— Он Огненный, — уверенно прошептала я, как завороченная наблюдая за танцем меча, со свистом рассекавшего воздух и сверкавшего в лучах солнца как вспышки молний.

Не было в этом мужчине ничего от Ледяного. Только один лишь обжигающий дикий огонь.

Его движения, продуманные и выверенные, и впрямь можно было сравнить с танцем. Иногда плавным и медленным, а иногда таким быстрым, что в глазах начинало рябить. Он словно читал мысли противника. Предугадывал его реакцию, уворачивался, а потом снова нападал: жестко и яростно.

Последнего соперника зрители встречали восторженными криками. Публика благоволила Шахиру. Красивый, молодой, бесстрашный дракон. Лучший выпускник Поднебесной академии.

Лучший во всем.

Два Огненных сошлись на поле боя. Латы одного отливали золотом на солнце, доспехи другого, казалось, были окутаны тьмой ночи. Мгновение, когда воины застыли друг против друга, прервалось яростным криком — Тейран первым бросился на противника. Тот, по самым скромным моим подсчетам, уже должен был едва держаться на ногах. Но он не просто держался — он двигался так, словно его тело не сковывал тяжелый металл и это не он добрых два часа крушил на потеху публике лучших воинов королевства, в каждом из поединков показывая себя сильнейшим из сильнейших.

И это тоже не стало исключением. Несмотря на свою подлую выходку — горсть земли, которую этот мерзавец, рухнув на коле-

ни, попытался швырнуть в лицо своему сопернику, Тейран так и не стал победителем. Огненный успел увернуться и, рванувшись к сыну советника, со всей силы ударил его рукоятью меча.

В общем, Шахира с ристалица тоже пришлось уносить. Приятное было зрелище.

Для меня.

После поздравлений победителю (несмотря на настойчивые просьбы герольда, незнакомец не пожелал назвать свое имя) по трибунам прокатилась новая волна возбужденного шепота: настало время объявить королеву турнира. И все, в особенности алианы, сейчас задавались вопросом, кто же удостоится этой чести.

— Скажу ему спасибо, если не Амарелия, — хмыкнула я. — Она и так ног под собой не чувствует.

— Риан, он идет сюда! — взволнованно пискнула Лаали и замерла. Как и остальные алианы.

Я видела, как взгляд приближающегося рыцаря скользит по жемчужинам нашего мира — Адальфивы. Одна, другая, третья... Он словно перебирал бусины редчайшего ожерелья. Пока не добрался до Лаали, и, оказавшись в непосредственной близости к объекту его внимания, я вдруг занервничала.

Хотя это еще надо постараться — заставить нервничать Риан Анвэри.

Взгляд, цепкий и обжигающий, перекинулся на меня. Секунда или две, чтобы стянуть перчатку. Небрежный бросок, словно швыряет дворняге кость. Перчатка упала к моим ногам в тот самый миг, когда я поняла, что еще немного и сгорю дотла: под его взглядом или от ярости, что сейчас бушевала внутри меня.

Огненный выбрал себе королеву, но сделал это так, словно на невольничьем рынке купил рабыню.

Меня.

ГЛАВА 2

— Знала бы ты, как я тебе завидую... Риан, ты такая счастливица! Это же чудесно — стать королевой турнира! — Переполняемая восторгом, Лаали едва не подпрыгивала до потолка, в то время как я желала кое-кому провалиться поглубже и подальше. Например, навестить тагров.

Это же надо было так меня унижить!

Стать королевой турнира считалось почетным. Очень. По крайней мере до сегодняшнего дня.

Каждый участник состязаний заранее уславливался с интересовавшей его эсселин, какого цвета платье она наденет или что за украшения на ней будут. Чтобы в случае победы не ошибиться в выборе.

Но я с этим... этим... драконохамом ни о чем таком не уславливалась и теперь терялась в догадках: почему я? А главное, зачем нужно было вести себя так, словно облагодетельствовал пустое место?

По традиции рыцарь, сделав выбор, поднимался на трибуну и, преклонив перед ошастливленной им девой колена, вручал ей подарок под одобрительные крики зрителей.

Но в этот раз на ристалище стояла такая тишина, что было слышно, как где-то совсем близко жужжит пчела.

— И что же ты нашла тут чудесного? — Усевшись на край кровати, я скрестила на груди руки. — Мое унижение?

Это еще родителям не доложили, сколько я сегодня привлекла внимания. То-то они «обрадуются»...

— Ну, может, он просто не знает наших обычаев, — пожала плечами Лаали.

— Зато знает, как являться в последний день турнира и всех калечить, — проворчала я, схватившись за кисточку балдахина, и нервно ее затеребила.

Вспомнила, как, швырнув железяку к моим ногам (хорошо хоть не в меня), тальден повернулся ко мне закованным в доспех задом и отправился своей дорогой, то есть прочь с поля боя. Под гробовое молчание. У меня пылало лицо, и я лишь чудом не упала в обморок от теплового удара.

— Ну ладно тебе, — присев со мной рядом, вкрадчиво сказала Лаали. — Не злись. Вполне возможно, его вообще не будет на празднике.

— Пройгнорирует приглашение его светлейшества? — Я усмехнулась. — Ну разве что он смертник.

— Интересно, а сколько ему лет? Как думаешь, он красивый? — переключившись на куда более интересную для нее тему, чем мое задетое самолюбие, защебетала подруга.

— Вот совсем неинтересно, и я о нем вовсе не думаю!

Но это была неправда. До самого вечера незнакомец в черных латах не покидал мое сознание, хоть я очень старалась его оттуда выдворить. Но он и в этом поединке вышел победителем.

Паршивец.

Каждый год бал в честь короля и королевы турнира устраивали во дворце правителя. Не раз и не два доводилось мне бывать в белокаменной крепости с золочеными куполами. И тем не менее, вновь оказавшись там, я испытала самый настоящий благоговейный трепет. Во дворце его светлейшества Камрана IV все было прекрасно, начиная с мраморных лестниц и фонтанов, белевших посреди цветущего сада, и заканчивая просторными галереями и роскошными залами. Каждый украшали цветные мозаики, а также воздушные ткани, словно вуали на лицах прелестных эсселин.

Прислуга перемещалась бесшумно. Стоило мне сойти с ковра, как слуги, низко кланяясь, распахнули передо мной двери в обитель красоты и блеска.

Гостей было много, как и света, что источали зажженные свечи. Пламя в витых светильниках, пламя в тяжелых подсвечниках... Пламя повсюду. Оно напоминало об утреннем унижении и глазах незнакомца: светло-карих, как древесная смола, заточившая в себе искру огня.

Оказавшись во дворце без Лаали (подруга, как всегда, опаздывала), я было понадеялась, что на меня никто не обратит внимания. Подумаешь, получила перчатку. И перчаткой. По чувству собственного достоинства.

Но меня заметили. Гости его светлейшества стали оборачиваться, вглядываясь в мое лицо, затемненное фиолетовой дымкой вуали. Чувствуя, как каждый нерв внутри подрагивает от напряжения, я позволяла уводить себя все дальше, в просторный зал со сводчатыми потолками и стенами, украшенными искусной мозаикой с пущенными поверх нее выюнками. Ими же были украшены два кресла на небольшом возвышении, для короля и королевы.

Место короля, к счастью, пустовало.

Мне было предложено опуститься на этот импровизированный цветочный трон и сидеть там до появления победителя, под пристальными и любопытными взглядами.

В другом конце зала, на троне настоящем, я заметила его светлейшество. Уже немолодой, но все еще могущественный дракон. Я опустила голову, приветствуя правителя, а когда подняла глаза, увидела приближающегося ко мне мужчину.

Лаали будет разочарована. Незнакомец был в маске, полнотью скрывавшей его лицо.

Мог бы и в шлеме прийти, чего уж.

Светлый кафтан, затянутый широким поясом, подчеркивал ширину его плеч. Я всегда считала себя слишком высокой для девушки. Вернее, высокой для хрупкой и нежной алианы. Но при виде надвигающегося на меня дракона вдруг почувствовала себя совершенно крошечной. Песчинкой, брошенной к подножию огромной скалы.

Гости пропускали его к «трону», как меня несколькими минутами ранее, провояя долгими взглядами и приглушенным шепотом.

Личность победителя никому не давала покоя.

— Моя королева. — Приблизившись ко мне, тальден изобразил небрежный поклон, почти не прогибаясь в спине, после чего опустился в кресло.

— Просто королева, — с натянутой улыбкой поправила я.

— Моя, — не согласился со мной тальден, отчего мне захотелось столкнуть его с кресла. А потом примирительно уточнил: — На этот вечер.

Ну главное, что не на всю жизнь.

Какое-то время мы молчали. Я старалась абстрагироваться от близости мужчины и делала вид, что меня в этой жизни не интересует ничего, кроме мозаичной росписи на стенах. Он лениво скользил взглядом по приглашенным, порой достаивая им и меня, и тогда щеки начинали гореть. Никакая вуаль не спасала от этого пристального внимания.

Склонившись ко мне, тальден спросил:

— Нравится праздник?

— Обычный. — Я пожалала плечами и, не сдержавшись, тоже поинтересовалась: — Почему вы носите маску?

— А вы вуаль?

Ну знаете ли.

Может, и правда не из наших краев? Или просто издевается.

Последнее было более вероятным, потому что глаза в прорезях маски, тьмою обтекавшей его лицо, сейчас искрились весельем. Или насмешкой.

— Если я появлюсь без вуали на людях, меня накажут.

— Надеюсь, вы от нее избавитесь, когда мы останемся наедине.

— А кто вам сказал, что мы останемся наедине?

— Я в своем праве, эсселин Анвэри, — с усмешкой заявили мне.

А как по мне, так не в своем уме. Раз позволяет себе разговаривать с алианой в таком тоне.

— Но сначала, — незнакомец расслабленно откинулся на спинку кресла, — будут чествования победителя и танцы. Надеюсь, вам нравится танцевать.

— Как вас зовут?

— Аман.

К нам приблизился слуга, в поклоне предлагая взять с подноса чеканные кубки.

— Аман? И все?

— А что вы еще хотите знать? — сделав глоток, лениво поинтересовался дракон.

— Кто вы? Откуда? Почему появились на ристалище в самый последний момент и... — Я замялась, прежде чем задать вопрос, который больше всего не давал мне покоя. — Почему выбрали меня?

— Вы слишком любознательны для своего возраста.

— А вы знаете мой возраст?

Аман подался ко мне и, прежде чем я успела понять, что он задумал, взял мою руку в свою и прижался к ней губами. Испуганно оглянувшись на гостей, я выдернула плененные наглемом-драконом пальцы и прошипела:

— Да что вы себе позволяете?!

Кожа в том месте, где клеймом отпечаталось прикосновение его губ, горела, и этот жар прокатывался по всему телу. Словно несколько секунд назад я глотнула не вина, а обжигающего огня. Горела я вся под взглядом незнакомца, этого Амана, изучавшего меня с видом коневода, выбирающего для себя племенную кобылу.

— Ничего, что было бы вам неприятно. — Мужчина коротко улыбнулся. — И да, Риан, я знаю о вас все.

После его ответов вопросов стало еще больше, и появилось желание сбежать от Огненного на край Адальфивы.

Продолжить знакомство нам не дали, и, наверное, к счастью. Слово взял правитель, и гости тотчас замерли там, где стояли. Смолкли голоса, взгляды всех собравшихся обратились к его светлейшеству.

— Наш несокрушимый рыцарь попросил не называть его имени, — зазвучал под сводами зала сильный голос правителя, — но я рад, что сын... — Он замолчал и улыбнулся, сделав вид, словно едва не обмолвился. — Я рад, что победителем стал потомок славного древнего рода Огненных!

Тут уж придворные не выдержали и возбужденно загомонили. Уверена, многие из них готовы были отвалить не одну горсть золота, лишь бы узнать, чей именно отпрыск осчастливил своим появлением нашу столицу.

После приветствия его светлейшества последовали тосты: за правителя, за победителя, за процветание Рассветного королевства. При дворе пили много, но Аман после каждого тоста лишь пригубливал вино, да и я тоже никогда не была поклонницей подобных напитков.

Когда с торжественными речами и тостами было покончено, настало время развлекательной программы.

— Потанцуйте со мной, Риан. — Аман поднялся и протянул мне руку.

— Лучше я здесь посижу. — Я с опаской покосилась на широкую ладонь дракона, не имея ни малейшего желания к ней прикоснуться. — Что-то неважно себя чувствую и...

Я приглушенно ойкнула. Кресло подо мной вдруг самым бессовестным образом начало нагреваться. Ума не приложу, как такое вообще возможно, я ведь сидела не на печи. Однако почувствовав, как жар жалит меня в одно место, вскочила на ноги, борясь с желанием хорошенько это самое место потереть.

— Вижу, вам уже лучше, — расплылся в улыбке Огненный.

— Вы издеваетесь?!

Опасливо оглянулась, но нет: алый бархат не горел и даже не тлел, а оплетавшие трон цветы и не думали увядать.

— Риан, возьмите меня за руку. — В его голосе, до этого мягком, зазвенела сталь. — На нас все смотрят.

Только тут я поняла, что наше общение не осталось незамеченным. Гости его светлейшества поглядывали на нас с нескрываемым интересом, и, чтобы больше не давать им повода для сплетен, я протянула негодяю руку и последовала за ним в центр зала. За нами потянулись другие пары. Когда мы разошлись, чтобы встать друг против друга, я облегченно выдохнула: прикосновение незнакомца обжигало не меньше его магии.

Смех и голоса приглушила музыка, в которую вплетался шелест платьев и шорох шагов.

— Вы же алиана, — проговорил Аман, стоило нам оказаться рядом. Скользящее движение рук, на короткий миг соприкасающихся локтями, и я, опустив взгляд, снова отступаю.

— Не напоминайте.

Алианы — девушки вроде меня, обладающие способностью в первую брачную ночь вбирать в себя силу своих мужей, драконов, чтобы со временем передать ее потомству. Мы — те, кто дает продолжение драконьему роду.

Несколько шагов назад, слишком коротких и незначительных, и вот я снова в кольце его рук, невесомыми прикосновениями очерчивающих контуры моего тела. Взгляд, от которого по венам бежит огонь, замирает на моих губах.

— Где же ваша природная кротость и застенчивость? — И снова мне слышится в его голосе насмешка, к которой пришивается упрек.

— А где ваши манеры?

Мы расстаемся, чтобы под тягучие звуки лайноры, струны которой заполняют своим звучанием весь зал, сойтись снова и, едва соприкасаясь ладонями, обойти друг друга по кругу.

— Это вы о сегодняшнем утре? — невозмутимо уточнил Аман.

— Я о вашей скверной привычке разбрасываться перчатками.

— Я просто решил, что пробираться к вам в доспехах будет не слишком удобно, — заметил дракон и наклонился, чтобы прошептать: — К тому же я никогда не встаю перед женщиной на колени. Считаю это прерогативой слабого пола.

— Снимите маску — я влеплю вам пощечину!

Нам было рано расходиться, но я как ошпаренная отскочила от Огненного, тем самым нарушив фигуру танца. За что заслужила косые взгляды.

Заметила среди танцующих Шахира, прожигавшего Амана (и меня с ним за компанию) яростным взглядом. Еще бы ему не яриться! Это ведь его должен был чествовать сегодня правитель и перевозносить до небес придворные.

А вместо этого все восхваляют силу и бесстрашие Амана, даже не догадываясь, сколько в нем нахальства и самомнения.

Наконец пытка танцем закончилась. Не успели музыканты отнять от струн пальцы, как кто-то из гостей, уже изрядно захмелевший, выкрикнул:

— За победителя и его прекрасную королеву!

Мой кубок остался на ступеньке возле трона, но подскочивший к нам слуга предложил взять новый. Хотела отказаться (не самое удобное это занятие — постоянно приподнимать вуаль, чтобы сделать глоток), но отказ мог быть расценен как оскорбление его тагровому «величеству», поэтому пришлось пить и за себя, и за него.

И снова заиграла музыка, на этот раз более оживленная, однако сбежать под нее к вожделенному креслу мне не позволили. Аман удержал меня за руку, привлекая к себе, чем вызвал у меня новую вспышку раздражения.

— Здесь слишком душно. Предлагаю немного прогуляться.

— А если откажусь? — с вызовом бросила я. — Подождете здесь все и выкурите меня из дворца?

Глаза в прорезях маски сверкнули огнем.

— Если не пойдете со мной, Риан, так и не узнаете, почему именно вы стали королевой турнира.

«Больно надо!» — хотела выпалить в самодовольную драконью физиономию, но... Мне действительно не давало покоя, почему он прицепился именно ко мне. А не к Амарелии, например.

Лучше бы все-таки эсселин Валеин сделал своей королевой.

Наше исчезновение осталось незамеченным. По крайней мере, мне очень хотелось в это верить. За минувший день я порядком подустала от внимания окружающих и сейчас была рада оказаться в садах Мраморного дворца.

Если бы еще рядом не было Амана...

Обитель правителей по праву носила это название. Куда ни глянь — повсюду светлый мрамор, слабо поблескивавший в лунном мерцании. Луна, плывущая по темной глади неба,

выбеливала дорожку у нас под ногами, своим призрачным светом касалась лепестков цветов и заставляла искриться воду в фонтанах. Ее беззаботное журчание помогало расслабиться, а вот мужчина рядом, наоборот, лишал покоя и привычного мне душевного равновесия.

Выбивал из-под ног опору.

— Так и будете молчать?

— Красотами этих садов приятней наслаждаться в тишине, а не под аккомпанемент требовательно-капризных ноток вашего голоса.

От такого заявления я даже споткнулась. Спокойно, Риан. Он явно тебя провоцирует. Совершенно непонятно на что и зачем, но ты ведь не позволишь ему с тобой играть.

— Говорите. — Я замерла, скрестив на груди руки.

Мы как раз подошли к храму Ясноликой — белокаменному сооружению, увенчанному отливавшим перламутром куполом. Дорога, что привела нас сюда, разветвляясь, огибала храм с обеих сторон и вводила к беседкам, прятаясь в тени фруктовых деревьев.

Но мне было не до романтических посиделок под фруктовыми деревьями, и прогулка эта больше не радовала. Особенно когда в глазах Амана сверкнуло пламя, и я, сама того не желая, опустила голову.

И этого я тоже за собой никогда прежде не замечала — привычки пасовать. Но при одном только взгляде на незнакомца уверенность покидала меня. Это заставляло злиться. На него. На себя.

— Что именно вы хотите от меня услышать?

— Я вам это уже говорила. Почему выбрали меня?

— Мне понравились ваши глаза. — Он шагнул ближе, а я, вместо того чтобы отступить, застыла, словно скованная по рукам и ногам его глубоким, низким голосом. — Никогда не видел такого яркого цвета. Изумруды по сравнению с вашими глазами кажутся тусклым стеклом.

И это он называет ответом?

— И имя мое, полагаю, вы тоже прочли в глубине моих прекрасных глаз?

Аман рассеянно оглядел храм и пожал плечами.

— Нет. После турнира отправил слугу побольше разузнать о вас. Как видите, ничего преступного и предосудительного. Тайна раскрыта.

Я ему не поверила, но понимала, что донимать вопросами этого тальдена бесполезно. Только зря потрачу время. Лучше вернусь во дворец и найду Лаали. В крайнем случае, если Аман будет настаивать, станцюю с ним еще пару танцев. Все лучше, чем торчать здесь с ним наедине.

— Я нагулялась. А вы оставайтесь. Осмотрите сады, они и правда очень красивые. Подышите воздухом в беседке. В общем...

Займитесь чем-нибудь. От меня подальше.

Провожаемая не то улыбкой, не то усмешкой тальдена, я направилась обратно ко дворцу. Но не успела сделать и нескольких шагов, как услышала:

— Риан, снимите вуаль.

Я сбилась с шага, а сердце в груди — с ритма.

— Я хочу вас увидеть.

Я вот тоже много чего хотела. Например, повернуть время вспять и провести это утро дома. Тогда бы не было этого странного знакомства и не менее странных просьб и разговоров.

— Вам мало моих глаз? — Сама не знаю зачем я обернулась.

— Мало, — кивнул Аман.

Вот ведь породистый хам.

— Тогда...

«Риан, уходи!» — шептал голос разума, которому так любила противоречить строптивая девчонка, что жила во мне.

— Тогда снимите маску. Это будет справедливо.

— Согласен, — хмыкнул Огненный и одним плавным движением избавился от своей маскировки.

Я смотрела на него с недоумением, гадая, зачем вообще было прятать лицо. Вопреки моим предположениям оно не было обезображено шрамами или болезнью. Оно было... совершенным. Этот мужчина был красив и прекрасно знал об этом. Резкие, но правильные, благородные черты, которые не способен был смягчить даже теплый каштановый цвет волос, обрамлявших его лицо. Острые скулы, прямой нос, низко надвинутые брови, что придавало его взгляду какую-то звериную хищ-

ность. Тот же Шахир по сравнению с ним казался смазливой мальчишкой.

Вот точно породистый. И точно хам. Этого у него не отнять.

— Теперь ваша очередь, эсселин.

Оглядевшись по сторонам и удостоверившись, что мы одни, я отстегнула вуаль, и полупрозрачная ткань скользнула мне в руку.

Скрупулезно изучив мое лицо, тальден сказал:

— Осталось последнее — почувствовать вас, и можно считать вопрос решенным.

— Что значит почув...

Закончить я не успела. Сама не поняла, как так вышло: в одно мгновение оказавшись рядом, он заключил мое лицо в ладони, обжигаяще горячие, твердые, и поцеловал. Не было в этом поцелуе ни намека на нежность, попытку пленить чувственными прикосновениями девушку. Лишь напор и жажда завоевателя, желание показать его силу и власть надо мной. Ожечь своими губами, словно ставя клеймо.

Осознав, что на мне этим треклятым поцелуем только что как будто поставили печать, я со всей силы рванулась назад и едва не задохнулась от ярости.

— Когда мой отец узнает!..

— Он очень опечалится, что вы позволили себе остаться наедине с незнакомым драконом, — и не думал пугаться Огненный.

— Вы не дракон! Вы — чудовище! — прорычала я и отступила от него еще на два шага, отчаянно желая, чтобы между нами разверзлась пропасть.

Подхватив юбки, бросилась прочь. К бликам пламени, что играли в окнах дворца. Прочь от пламени настоящего. Непредсказуемого и опасного.

— До скорой встречи, эсселин Анвэри!

— Больше не смейте ко мне даже приближаться! — На миг обернувшись, прокричала я и сорвалась на бег.

Возле одного из фонтанов столкнулась с Лаали. К счастью, подруга не обратила внимания на то, в каком я состоянии, слишком была поглощена своей радостью.

— Риан, представляешь! Он выбрал меня! — Сияя улыбкой, алиана протянула мне раскрытую ладонь. — Смотри, какая красота!

На руке девушки сверкал знак рода Тейран — свернувшаяся клубком лиса, заключенная в рассыпающееся лучами солнце.

— Сначала было немного неприятно — кожу очень сильно пекло. Но сейчас все прошло. Риан, я так счастлива! Риан?

Лаали нахмурилась и подхватила меня под локоть, когда я, пошатнувшись, чуть не завопила от боли.

— Риан!

Руку жгло, как если бы держала ладонь над огнем, позволяя тому касаться, облизывать кожу. Перевернув ладонь вверх, я судорожно сглотнула: на меня смотрела, оскалившись, словно насмехаясь, таgroва лисица.

Алиана ахнула:

— Шахир хочет, чтобы и ты тоже участвовала в отборе!

Я зажмурилась.

Этого следовало ожидать. Вполне закономерное окончание ужасного дня.

— Моя госпожа! Его светлость вернулся! — Запыхавшаяся служанка вбежала в покои княгини и замерла, опустив взгляд.

Как и все остальные слуги в Огненном чертоге, она боялась заглядывать эссель Каррай в глаза. Вдруг молва права и, если в них долго смотреть, можно сойти с ума?

— Один? — коротко осведомилась женщина, прерывая тревожные размышления девушки.

Княгиня сидела возле зеркала и медленно раз за разом проводила щеткой по длинным густым волосам, в которых только начала проглядывать седина. Элесбед не боялась старости, ее не пугали эти проблески серебра в прядях цвета воронова крыла. Черными были и ее глаза — в них таилась беззвездная ночь и непроглядная тьма.

Элесбед усмехнулась своим мыслям. Внешностью Аман полностью пошел в отца, да сохранит Ясноликая его душу. Те же резкие черты лица — в отличие от ее, мягких и утонченных. То же неистовое пламя в глазах, и сердце его тоже горело. Ненавистью, что умело взращивала в нем все эти годы ее светлость.

— Один, — опуская голову еще ниже, тихо подтвердила девушка.

Княгиня нахмурилась и отпустила прислужницу:

— Хорошо, иди.

Раздраженно швырнув на кровать щетку из слоновой кости, Элесбед поднялась. Усилием воли потушила в себе внезапную вспышку ярости, вернув на лицо привычную маску. Спокойная и невозмутимая — такой она всегда представляла перед сыном. Облачившись в легкое домашнее платье, брошью-камеей скреплявшееся на груди, Элесбед вышла из спальни, торопясь разыскать Амана и задать ему один-единственный вопрос, что сейчас не давал ей покоя: почему он вернулся без алианы.

Князя Каррая, унаследовавшего этот титул после смерти отца, она перехватила в галерее второго этажа. Тальден направлялся в свои покои и, к досаде Элесбед, не собирался отчитываться перед ней.

— Где девушка? — окликнула сына женщина.

— Победы на турнире в Жемчужном городе вашей светлости недостаточно? — даже не думая замедлять шаг, чтобы остановиться и поприветствовать мать, бросил тальден и, наоборот, зашагал еще быстрее.

— Аман!

— Я заберу ее позже, мама. Еще не время.

— Аман, — уже мягче проговорила женщина, уловив в голосе тальдена злость и раздражение, — мы и так ждали слишком долго. Смотри, как бы она не досталась какому-нибудь другому дракону.

— Я же сказал: еще не время! — не сумев совладать с собой, прорычал Огненный.

— Сын, — Элесбед ускорила шаг, пытаясь его нагнать, — пойми, я ведь о тебе и Клер беспокоюсь. Ты дал клятву и, если ее нарушишь...

— Я не собираюсь ничего нарушать. Девчонка будет здесь к концу месяца цветения. Просто доверься мне.

Сквозь ажурные ставни, оплетенные вьюнками с крупными алыми цветами, в галерею проникали яркие солнечные лучи. Элесбед поморщилась. Здесь всегда было слишком много света. Особенно в начале лета. Уроженка севера, она предпочитала свету тьму, а удушливой жаре холод Сумеречной империи.

— Ты проверил, она тебе подходит?

— Подходит, — обронил Аман и помрачнел еще больше, невольно возвращаясь мыслями к зеленоглазой строптивнице.

Было бы проще, если бы Риан не откликнулась на его силу. Но даже короткого поцелуя оказалось достаточно, чтобы убедиться в обратном. Осознание этого вызывало в Огненном гнев и досаду. Их сочетаемость могла усложнить все еще больше. А может, даже все испортить.

Ее светлость сосредоточенно кивнула:

— Неприятная, конечно, новость, но я об этом позабочусь.

— Я в этом не сомневался, мама, — усмехнулся тальден и остановился, чтобы обдать ее столь не свойственным Огненному дракону холодом. — Ты еще что-то хотела?

Элесбед заставила себя улыбнуться:

— На этом все. Пока что.

Развернувшись, Огненный отправился в свои покои, а княгиня Каррай осталась стоять посреди галереи и смотрела ему вслед, досадуя и хмурясь. В последнее время Аман только так с ней и разговаривал: из последних сил сдерживая раздражение, цедя слова сквозь зубы.

Успокаивало одно: он дал клятву, которую не посмеет нарушить. А если нарушит...

Элесбед тряхнула головой, отгоняя нежеланную картину возможного будущего. Нет! Кто угодно, но только не ее сын! Аман Каррай никогда не отступает и никогда не проигрывает. Он добьется своего, как добивался всегда.

И Риан-Илара Анвэри не станет исключением.

ГЛАВА 3

Месяц спустя

Резкий поворот, руки взлетают к небу, отпуская на волю полупрозрачный лоскут тончайшего шелка. Одно из многочисленных таири — легких, воздушных тканей, что коконом оплетают мою фигуру. Защищают от жадного взгляда моего жениха, Шахира Тейрана.

Придушить его одной из этих тряпок — моя заветная мечта.

— Продолжай, Риан, мне нравится, — звучит самодовольный голос драконогада.

Я мысленно ругаюсь и, покорная его воле, выгибаюсь в спине, кончиками пальцев касаясь бархатистой травы.

Она щекочет мне кожу, как щекочет мне нервы этот мужчина, сейчас вальяжно развалившийся в кресле с бокалом вина. Он сидит под сенью дерева, пока я извиваюсь перед ним на солнцепеке. Утешает одно — это последнее испытание, и завтра Огненный выберет себе ари. Супругу, иными словами.

— Говорят, ты лучшая танцовщица Жемчужного города. — Взгляд дракона скользит по моей фигуре, замирает на груди, отдаваясь в ней неприятной тяжестью и дрожью в коленях, а потом опускается ниже.

Я продолжаю танцевать: подаюсь к Шахиру и резко в повороте отступаю назад.

Он прав. В искусстве танца я действительно первая. Вот только все во мне восстает и противится танцу перед этим драконом. Да я бы лучше сплясала перед ордой тагров, чем вытанцовывала перед ненавистным Тейраном!

Еще один лоскут, соскользнув с бедра, подхваченный ветром, уносится в чистое, без единого облачка, небо. Невыносимая жара. И ветер, вместо того чтобы освежать, опалает тело. Как опалает взгляд сидящего в нескольких шагах от меня тальдена.

Одно движение танца незаметно вплетается в другое. Со всем скоро на мне останется лишь полупрозрачная юбка и то, что язык не поворачивается назвать блузкой. Когда избавлюсь от последнего таири.

Медленно повожу бедрами из стороны в сторону, незаметным движением пальцев отцепляя невесомый лоскут, и слышу:

— Как думаешь, на ком я остановлю свой выбор?

Надеюсь, что не на мне.

— На самой достойной. — Руки извиваются змеями, кожа блестит на солнце от бриллиантовой пыли, которой служанки покрыли все мое тело. На радость его несравненности. — Но я не уверена, что вхожу в число достойных.

Снова прогибаюсь, запрокинув голову, а выпрямившись, замечаю, как темнеют глаза мужчины.

— Откуда столько скромности?

— Вы не будете со мной счастливы. — Я подаюсь к дракону, и он салютует мне бокалом.

— Угроза? — усмехается Тейран.

— Предупреждение.

— Странно, что привязка на тебя практически не действует...

Практически? Усмехаюсь мысленно.

Каждую алиану перед началом отбора привязывают к жениху любовными чарами. Вот и меня тоже привязали. И если бы не помощь моей названной матери — правительницы Сумеречной империи, императрицы Анны, все прошедшие недели у меня бы мозги были не на месте. Но ее хитрость сработала, и я не чувствую к сыну советника никакой симпатии.

Одну лишь стойкую антипатию.

— Видимо, то другое чувство, что испытываю к вам, оказалось сильнее любовных чар.

Я прикусила язык, но поздно: опрометчивые слова сорвались с губ прежде, чем я успела затолкать их обратно. Ох, Риган, когда-нибудь ты договоришься и доиграешься...

— Довольно! — Шахир хлопнул в ладоши, и музыка, наполнявшая цветущий сад чарующими звуками, резко оборвалась. Вскочив с кресла, тальден приблизился ко мне, тяжело дыша, словно это он тут вытанцовывал добрые полчаса, а не я. — Ты вредная, несносная девчонка! Иногда... — Он поморщился и просвистел сквозь сжатые зубы: — Иногда мне даже видеть тебя не хочется!

— Значит ли это, что я могу идти? — Опускаю в ложном смирении взгляд.

Его несравненность вскидывает руку, указывая в сторону открытой галереи, белеющей изящными колоннами в обрамлении изумрудной зелени. Из нее можно попасть во дворец советника, а оттуда подняться в крыло невест.

— И чтобы больше я тебя сегодня не видел! — гремит тальден.

— Слушаюсь и повинуюсь, господин. — Кротко улыбаюсь ему, ликуя в душе. Подхватив таири, алым облаком растелившееся по траве, прикрываюсь им и убегаю во дворец.

Самое странное, каждая наша с Тейраном встреча заканчивалась одинаково: он взрывался и отправлял меня в крыло невест, хотя у него на лице было написано, что он был бы рад распрощаться со мной навсегда.

Но, как назло, не прощается! После каждого испытания отсеивались одна или две девушки, и вот к концу отбора из сем-

надцати претенденток на драконье сердце осталось восемь. Честно говоря, я была уверена, что вылечу если не после первой проверки (первая была на невинность, и провалить ее у меня бы при всем желании не получилось), то после второй так уж точно.

Но я, как это ни обидно и досадно, по-прежнему здесь. Оставалось надеяться, что завтрашний день станет для меня последним в этой роскошной клетке, Тейран выберет себе в жены Амарелию, и все заживут долго и счастливо. Ну разве что кроме Лаали, которая под любовными чарами совсем дурная стала.

Подруга ополчилась против меня, посчитав, что я во что бы то ни стало вознамерилась коварно выйти за Шахира замуж. И никакие мои попытки донести до нее простую истину, что я не стану его ари ни в этой и ни в какой другой жизни, не увенчались успехом.

Из-за треклятого отбора я лишилась лучшей подруги и, сама того не желая, обзавелась врагами. Дух соперничества на отборах невест вообще не способствует налаживанию приятельских отношений, а только все портит.

На лестнице я столкнулась с Амарелией, прогуливающейся под ручку с другой невестой его несравненности — Эльной.

— О, Риан, ты уже оттанцевала? Как прошло испытание? — ревниво сверкнула глазами эсселин Валейн, хоть и пыталась при этом растянуть губы в улыбке. Совершенно фальшивой.

— Как бы тебе и хотелось — я его провалила, — обрадовала алиану.

— Какая же ты все-таки чудная, — хмыкнула Амарелия. — Его несравненность — один из самых завидных женихов Рассветного королевства, а ты от него нос воротитшь и радуешься каждому проигрышу. Зачем тогда согласилась участвовать в отборе?

Как будто меня кто-то спрашивал...

— И тем не менее, несмотря на все твои выходки, он продолжает держать тебя здесь, — насупилась Эльна, словно одним своим присутствием во дворце Тейранов я наносила ей страшное оскорбление. — И что бы это могло значить?

Я безразлично пожала плечами.

— Ну и кто после этого из нас странный, он или я? — Весело улыбувшись, подмигнула соперницам. — Совершенно искренне желаю одной из вас завтра стать его ари.

Обойдя алиан на достаточном расстоянии (на отборах случилось всякое), отправилась к себе, мечтая о том, как скоро снова стану свободной пташкой.

Какое же это будет счастье!

Взбежав по лестнице, я резко затормозила — вспомнила о том, что должна была кое-куда заглянуть. Развернувшись, поспешила в необъятных размеров кухню, в которой заправляла эссель Мелинда. К слову, кухарка тоже была необъятной. А еще у нее было большое доброе сердце и искренняя, светлая улыбка.

— А, Риан, девочка! Как прошло испытание? — обрадовалась моему появлению в ее царстве котлов и пучков сушеных трав женщина. Вскинула голову, на миг отрываясь от светлого кругляша теста, которое старательно месила, и приветливо мне улыбулась.

Я помахала двум поварятам, нарезавшим овощи в дальнем углу, после чего уселась прямо на припорошенный мукой стол рядом с кухаркой.

— Эрролу Тейрану не очень понравилось.

— А ты и рада, — покачала головой Мелинда, но без осуждения. Легонько потрепав меня по щеке, назидательно проговорила: — Замуж тебе надо, эсселин Анвэри. Но ты же слишком свободолобивая и строптивая. И в кого только такая уродилась...

Мама считает, что винить за мой характер следует ее лучезарность Анну. Моя названная мать, пришелица из другого мира, против своей воли попала на отбор невест к Ледяному владыке. Анна победила и обрела счастье в новом для нее мире, но наши законы и традиции ей всегда были чужды и остаются таковыми по сей день. Особенно те, что касаются алиан и отборов.

Наверное, я слишком часто и слишком внимательно ее слушала, потому что полностью разделяю ее мнение. Не хочу, чтобы выбирали меня. Я хочу выбирать сама! Выйти замуж за желанного и любимого, будь то тальден или простой мужчина.

Тальденами в нашем мире называют могущественных колдунов, способных превращаться в драконов — Ледяных и Ог-

ненных. В большинстве своем это напыщенные гордецы. Мой отец, герцог Анвэри, и его великолепие Скальде Герхильд, супруг Анны, — редкое исключение из правил.

А я вообще терпеть не могу правила! И традиции.

А еще я терпеть не могу Шахира и...

— Мелинда, дай что-нибудь поесть, а? Умираю с голоду.

— Сейчас все сделаю, моя крошка, — вытерев о фартук перепачканные в муке руки, довольно произнесла женщина и принялась складывать в корзину мои любимые лакомства: орехи сайна, сыр, еще теплый хлеб, от которого так и хотелось отщипнуть корочку, фрукты. Очень много сочных фруктов, которые я обожаю и поглощаю в невероятных количествах.

Версия для всех любопытствующих.

— Может, здесь поешь? — предложила кухарка и прикрикнула на поварят, чтобы делом занимались, а не глазели на прожорливых алиан.

Те еще быстрее принялись орудовать ножами, а я, скользя со стола, сказала:

— Лучше пойду к себе. Ты же знаешь, если эссель Клеври меня здесь увидит, и тебе, и мне все нервы вытреплет.

Стоило упомянуть этого тагра в юбке, как он нарисовался в проеме кухни.

— Эсселин Анвэри! — возмущенно выдохнула устроительница отбора. — Вы что здесь делаете?!

— Зашла поесть, — чистосердечно призналась я.

— Поесть? — Сваха округлила глаза. — В таком виде?! — Она окинула пытливым взглядом мой наряд с немногочисленными уцелевшими лоскутками. — Перед мужчинами!!!

Я оглянулась на поварят:

— Так им же от силы лет десять.

Мальчишки согласно закивали, а стоило эссель свахе снова раскрыть рот, как они поспешили спрятаться в чуланчике за печь. Потому что эта дама в гневе — страшное зрелище.

— Немедленно возвращайтесь к себе, эсселин Анвэри! Скоро обед!

— Но я...

— К себе, — уперев руки в боки, прошипела мегера в платке. Темно-синем, обвивавшем ее длинную тощую шею и скрывавшем мышиноного цвета волосы, собранные в высокую прическу.

С трудом подавив желание показать свахе язык, я схватила из корзины мешочек с орешками и дернула к выходу, слыша за спиной раздраженное бормотание эссель Клеври:

— Очень надеюсь, что эррол Тейран поступит благоразумно и не выберет вас.

— Полностью разделяю ваше мнение, — послушно согласилась я и посочувствовала Мелинде: сейчас и ей достанется из-за меня.

На счету Бриваэлы Клеври был не один успешно проведенный отбор. Она считалась лучшей свахой Рассветного королевства, а потому от драконов, желающих пригласить ее надзирать за невестами, не было отбоя.

Меня эссель Клеври жаловала не особо (вернее, не жаловала совсем), и я отвечала ей взаимностью. Не любила ее, как и Шахира, совершенно искренне.

До своих покоев домчалась за считанные минуты, радуясь, что не встретила ни одну прогуливающуюся невесту. Особенно Лаали. После каждого общения с бывшей подругой настроение опускалось до фундамента дворца Тейранов, если не ниже. А у меня оно сегодня и так далеко не радужное.

Прикрыв за собой дверь, обежала спальню внимательным взглядом.

— Чили, ты где? Чили, я тебе кое-что принесла. Иди сюда, мой хороший. — Опустившись на пестротканый ковер, посланный посреди комнаты — светлой и просторной, раскрыла мешочек с орешками и высыпала несколько себе на ладонь. — Знаю, тут немного, но эта совершенно невыносимая тетка!.. Нехорошая женщина, в общем, явилась в самый неподходящий момент и не позволила мне забрать для тебя еду. Я тебе с обеда что-нибудь вкусенькое принесу.

Тейран запретил невестам привозить во дворец любую живность, но разве могла я оставить своего питомца? Папа подарил мне Чили год назад, когда тот был еще совсем крохой. Привез из путешествия по заморским королевствам, и с тех пор мы с Чили были неразлучны.

Провести малыша во дворец советника оказалось непросто, еще сложнее — тайно кормить его и прятать. Благо у меня верная служанка, а внимание Чили как бальзам на душу. Когда он меня обнимает, обвиваясь хвостом вокруг моей руки, и начинает тереться мордочкой о мою щеку, я сразу успокаиваю

ваюсь. Любые негативные эмоции мгновенно отступают, и шторм в душе сменяется штилем.

Мне присутствие здесь Чили просто жизненно необходимо, потому что из-за всяких там Шахиров меня в последнее время слишком часто штормило.

Единственное правило в общении с такими, как Чили, льорнами — их не стоит пугать или злить. Можно запросто обжечься, потому что у этих созданий в моменты стресса срабатывает инстинкт самосохранения и они начинают шипеть и искриться.

Мама была очень недовольна, когда его светлость привез мне это искрящееся чудо природы, но я, честно говоря, лишь однажды видела, чтобы Чили нервничал и злился: когда уезжала на отбор к Шахиру.

Пришлось тайком взять его с собой, иначе бы спалил к таграм родительский дом.

— Чили...

Едва различимый шорох сбоку — это гуру маскировки, соскользнув с колонны балдахина, принохиваясь, приблизился ко мне. Слизнул сразу все орешки с ладони и тут же, еще не успев их прожевать, сунул свою любопытную мордочку в плотняный мешочек.

Я гладила льорна по мягкой шерстке и думала о словах Эльны: «И тем не менее, несмотря на все твои выходки, он продолжает держать тебя здесь».

А ведь и правда, зачем держит? Любой другой дракон на его месте уже давно бы вышвырнул такую невесту из родового гнезда, а этот терпит. В чувства Шахира я не верила. Да, я откликаюсь на его силу, а значит, в случае замужества смогу ее принять — проверочный ритуал в храме Ясноликой это подтвердил.

Когда Тейран до меня дотрагивается, на моей коже серебристым мерцанием проступает обручальный узор. Но на этом все. Мы не подходим друг другу, и он это прекрасно знает, однако не спешит от меня избавляться. Почему — непонятно.

Я сидела, обняв льорна, беззаботно уничтожавшего орешки, и думала только о том, кто из невест завтрашной ночью станет ари Тейрана.

Да минует меня сия божественная кара.

Обед в общении с невестами его несравненности прошел нервотрепательно и энергозатратно. Но и занимательно. Вернее, занимательно было сначала, а потом стало нервотрепательно и энергозатратно.

Эльна чуть не подралась с Нерис — фигуристой шатенкой из далекой Лейфории. Из-за того что последняя осмелилась обзавестись для завтрашней церемонии точно такими же драгоценностями, что и закадычная подружка Амарелии. Уж не знаю, как Нерис пронюхала о сапфирах Эльны и как Эльна узнала о том, чем украсится ее соперница, но выяснение отношений проходило бурно: с криками, бранью и битьем посуды.

Не то чтобы алианы по поводу и без повода давали волю эмоциям... Обычно мы (ладно, они) тихие и кроткие. Но к финалу отбора все были на нервах. А если учесть, что в головах у девушек одна сплошная любовно-магическая хмарь, то бедняжкам оставалось только посочувствовать.

Что я и делала, не забывая при этом запастись едой для льорна. Он у меня всеядный, поэтому в салфетку, которую собиралась спрятать под длинным широким рукавом платья, шло все: кусок пирога с дичью, песочные корзиночки с паштетом, пара фруктов. Собиралась добавить к этому многообразию еще медовое пирожное (Чили у меня такой сластена), когда услышала голос Амарелии, в котором отчетливо звучала насмешка:

— А ты, Риан, все никак не наешься.

К тому времени стражники уже успели растащить визжащих девиц по разным концам столовой, после чего под бдительным оком эссель Клеври каждую отконвоировали в невестины покои.

За столом остались я, Амарелия и еще три девушки. Лаали, к счастью, среди них не было, она отказалась от обеда.

— Лучше бы в свою тарелку смотрела, — посоветовала я сопернице.

— А вот странно, Риан. — Алиана уже давно поела и теперь, отодвинув от себя стеклянный кубок и недоеденный десерт, сидела, подперев подбородок кулаками, и смотрела мне прямо в глаза.

И зачем, спрашивается, было садиться напротив меня...

Подражая эсселин Валеин, негласной королеве отбора, остальные его участницы повернули головы в мою сторону.

— И что тебе интересно, Амарелия?

— Ты такая тощая, хоть и ешь за троих.

И вовсе я не тощая! Высокая просто, вот и кажусь тростиночкой. Хотя лично я ничего не имею против своей фигуры, а если Амарелия что-то имеет — ее проблемы.

— У меня здоровый аппетит, — пожалала плечами я и в качестве его демонстрации принялась уплетать политое медом пирожное.

Мм... вкуснотища. Все-таки прихвачу одно для Чили.

— Здоровый аппетит у тебя или у твоего льорна? — расплылась в ядовитой улыбке девушка.

Я чуть не подавилась и едва не выплюнула в довольно усмехающуюся Амарелию не до конца прожеванное пирожное. Жаль, что не выплюнула.

Заставив себя проглотить застрявший в горле кусок, вкрадчиво поинтересовалась:

— Что ты сказала?

— Что ты нарушаешь правила, дорогая. А это может быть чревато.

Травмой твоей головы может быть чревато.

— Не понимаю, о чем ты, — прикинулась я удивленной, хоть все внутри меня клокотало от гнева, сдерживать который с каждой секундой становилось все сложнее.

Если из-за нее пострадает Чили...

Улыбка Амарелии стала еще отвратительней.

— Я о малыше льорне, которого заметила моя служанка, случайно заглянув к твоей. Удачно заглянув, стоит отметить.

Месяц! Месяц мы с Хевиной его прятали, и все было хорошо. Видимо, расслабились, успокоились.

Непростительная ошибка. Моя и ее.

— Полагаю, Шахир уже в курсе? — сдержанно спросила я, поднимаясь из-за стола. Платок с едой для льорна продолжала сжимать в руке, чувствуя, как ткань пропитывается жиром, точно так же как мое сердце пропитывалось ненавистью к этой выдре.

Алиана откинулась на спинку стула, скрестив на груди руки.

— Ну а ты как думаешь?

Так вот, если из-за нее пострадает Чили, замуж за Тейрана будет выходить ее призрак. Потому что сама Амарелия прямиком из дворца советника отправится жить к Ясноликой.

На полпути из столовой я остановилась и резко повернула обратно.

— Совсем забыла!

Стремительно приблизившись к эсселин Валеин (она даже не успела обернуться), вытряхнула все содержимое платка на голову «королеве» и, схватив со стола кувшин, добавила к сползающим по волосам паштету и мякоти фрукта травяного напитка из кувшина.

Пусть освежится.

Амарелия замерла, явно отказываясь верить в реальность происходящего. А я философски рассудила: если уж помирать, вернее, вылетать с отбора, то красиво.

Подумала так и пошла разбираться с Шахиром.

Пусть только попробует тронуть моего Чили!

Шла я быстро. Очень. Нервно перебирая ногами и больше всего на свете боясь, что опоздаю. И, как вскоре выяснилось, боялась не зря. Когда до заветных дверей оставался всего один поворот и несколько шагов, из моих покоев раздался истошный визг, а следом послышалась грубая мужская брань.

Тут уж я, подхватив юбки, помчалась со всех ног. Влетела в гостиную и, увидев, что в ней творится, завопила что есть силы:

— Не смей!

Эффекта неожиданности я добилась точно. Потому что маленькая алиана, орущая на здоровенного бугая с саблей в руке... В общем, к такому во дворце советника явно не привыкли.

На шум сбежались остальные стражники, что обыскивали мою спальню. Последним из нее высочил пунцовый Шахир и, подражая мне, во все горло завопил:

— Что здесь, тагры побери, происходит?!

— Вот что! — Я обличительно указала на здоровенного детину, занесшего саблю над испуганно жавшимся в углу Чили. — Кто вам давал право размахивать этой своей железякой перед моим питомцем?!

Большие круглые глаза льорна казались больше обычного, крохотные лапки были прижаты к маленькой сплюснутой мордочке. В иное время я бы непременно умилилась этому зрелищу, но сейчас мне было не до умиления.

— Эта тварь меня обожгла! — продемонстрировал всем заинтересованным красную ладонь (целую ладонищу) стражник, стремительно покрывающуюся волдырями.

— А не надо было его пугать! — Я подбежала к Чили, осторожно двумя пальцами отодвинула в сторону гладкое и наверняка острое лезвие сабли, которой мрачный бугай тыкал в моего малыша, и протянула к нему руки.

Шерстка Чили еще искрилась, но, когда его взгляд уперся в мои раскрытые ладони, звереныш тихонько пискнул и, «погаснув», потянулся ко мне. Я подхватила его с пола. Горячее тельце льорна прижалось к моей груди, обдавая жаром даже через ткань платья. Лапки обвили шею, и я развернулась к тальдену.

— Буду рада услышать объяснения.

Как любит повторять ее лучезарность Анна: лучшая защита — это нападение.

Святая правда!

— Что. Они. Здесь. Делают? — Я обвела взглядом свиту Шахира, а в ответ услышала визгливое:

— Я же запретил привозить в мой дворец животных! А значит... — Он шагнул ближе, сощурился глазами. Черные, что два угла, сейчас тлеющих от ярости, — в них явственно были различимы искры огня. — Будет справедливо, если я вышвырну эту тварь из своего дома. Сброшу с самой высокой башни!

Льорны очень умные создания, и иногда мне кажется, что Чили все понимает. Стоило Тейрану озвучить свою угрозу, как малыш заплакал. По крайней мере, звуки, что он издавал, очень походили на детские рыдания.

— Только вместе со мной. — Я тоже сощурилась, пытаюсь придать себе грозный и решительный вид.

— Не искушайте меня, эсселин Анвэри.

Иногда мне кажется, что я не умею бояться. Вернее, конечно же умею, но только не тогда, когда надо. Вот и сейчас, вместо того чтобы вспомнить, кто здесь алиана, я заявила с азартом:

— Ну так пойдёмте! Где тут у вас самая высокая башня? Буду рада в нее прогуляться.

Тейран заскрипел зубами:

— Ты забываешься, Риан.

Кивнула, полностью соглашаясь с его замечанием.